П.Л.БЕЛКОВ

Морфология богатырской сказки. III. Мотифемная размерность

Разбирая богатырские сказки, невозможно пропустить сказку «Никита Кожемяка» (Аф. 148). По внешнему виду, т.е. по характеру главного героя, обладающего исполинской силой, по форме мотивов и их взаимному расположению, это типично богатырская сказка, – сказка, развитие которой идет через *бой* со змеем, похитившим царевну.

Однако сюжетная линия этой сказки обрывается на самом интересном месте. Одержав победу над змеем, герой не женится на спасенной им царевне. В отличие от классической волшебной сказки не находим мы в ней и ложных героев, которые должны были бы оспаривать чужую победу. Отсюда отсутствие мотивов трудной задачи, которая в том и состоит, чтобы показать ложность притязаний соперников. Иначе говоря, по всем канонам перед нами не сказка, а былина, рассказанная с применением приемов сказочной поэтики.

И с точки зрения композиции мы, кажется, должны прийти к точно такому же выводу. К мотифеме *подвига* непосредственно прилегает этиологический мотив, объясняющий происхождение змиевых валов. Но это может показаться только в том случае, если забудем правило, согласно которому решающим является не прямое, а коннотативное значение мотива.

Начнем с самого начала. Из предыдущих частей данной серии должно быть понятно, что мотив похищения царевны змеем образует не завязку, не первую мотифему, но исходную ситуацию, между прочим, заканчивающуюся свадьбой: «красавица собой была, так за жену (змей) себе взял». Следовательно, данный нарратив должен начинаться с появления главного героя, который узнает о случившейся беде и приходит на помощь, вызвавшись на бой со змеем. Однако мотива появления героя мы здесь тоже не находим. Вместо заезжего богатыря на сцене появляется собачка, которая служит средством сообщения между царевной и ее родителями. Что же дальше?

В сказке говорится: «Вот раз, — царь с царицею и пишут царевне: узнай, кто сильнее змея?» Царевна лаской допытывается у змея про то, что в Киеве живет Никита Кожемяка, который только и может её из неволи выручить.

Царь разыскивает Никиту Кожемяку и сам идет просить его освободить землю от лютого змея и выручить царевну. Кожемяка так задрожал от страха при виде царя, что руки у него затряслись и он разорвал двенадцать кож, что были у него в руках. Однако идти на змея наотрез отказался. Только детям малолетним, просившим его со слезами пойти против змея, удалось разжалобить Никиту. После этого, насмолив смолою триста пудов пеньки и обмотавшись ею, «чтобы змей не съел», отправляется он в путь.

Казалось бы, здесь мы наблюдаем типичную концовку первой мотифемы: *отправка* со *снаряжением*. Следовательно, дальше начинается пространство второй мотифемы: *путешествие, подвиг, возвращение*. Все вроде бы так и есть. Никита приходит к берлоге змея, вызывает его на битву и побеждает и возвращается к своим занятиям – идет кожи мять. На то, что этиологическое объяснение поместилось между боем – победой и возвращением, можно не обращать внимания. В данном случае от перестановки слагаемых сумма не меняется.

Итак, если судить по конечному результату и не обращать на некоторые детали, например, на отсутствие былинного мотива *появления* (соответствующего сказочному мотиву *отлучки*) мы должны классифицировать сказку «Никита Кожемяка» (Аф. 148) как двухмотифемное образование – богатырскую сказку по образцу сказки «Покатигорошек», (Аф.133). Об этом говорит и форма боя (потешного боя). В сущности, Никита Кожемяка и змей меряются, сначала силой, затем хитростью. Смерть змея – выигрыш Никиты Кожемяки.

Сравним две эти сказки по методу трех мотифем (см. рис.1), не забывая, что, с точки зрения поэтики, двухмотифемному нарративу «Покатигорошек» (Аф.133) придается трехмотифемный облик (былину в сказку только за счет материала самой былины не вытянешь)[1].

Покатигорошек		Никита Кожемяка
Змей похищает сестру и братьев	In	Змей похищает царскую дочь
Чудесное рождение Покатигорошка. Покатигорошек вызывается искать братьев и сестру (идти на змея).	A	Царевна выпытывает у змея, что сильнее его Никита Кожемяка. Никиту Кожемяку уговаривают идти на змея.
Покатигорошек демонстрирует свою силу, они дуют на ток (чугун – медь). Покатигорошек убивает змея, освободив братьев и сестру.	B	Никита Кожемяка демонстрирует силу, они пашут (земля – море) Никита Кожемяка убивает змея (освободив царевну).
Отец и мать были рады	Fi	Эта борозда и теперь видна.

Рис.1.

При таком максимальном сжатии текста выявляется двухмотифемная структура обоих нарративов, причем срединным моментом (мотивов) выступает не столько вооруженный поединок, сколько состязание в ловкости (вроде: кто кого перетянет, кто кого вытолкнет и т.п.). Как уже отмечалось, подобные потешные схватки (шуточные – нешуточные бои) – свидетельство древности происхождения повествований этого типа, когда в качестве

[1] Морфология богатырской сказки. I. Мотив, мотифема, ход // ***ethnomanuscripts.ru***, с.5.

шаблона используется первобытный эпос. Подтверждением этому служит сопоставление сказки «Никита Кожемяка» (Аф.148) со сказкой «Змей и цыган» (Аф.149), которая соседствует с ней в сборнике А.Н.Афанасьева. Ср. также сказку «Храбрый портняжка» (Гримм 20).

Теперь попробуем разрядить рассматриваемые тексты. Разделим данные мотивы, соответствующие большим мотифемам, так, чтобы их тексты проецировались на три субмотифемы (средние мотифемы). Сначала средствами поэтики приведем к трехмотифемному виду сказку «Покатигорошек»[2], а затем попытаемся отыскать им пары в элементах сказки «Никита Кожемяка».

Покатигорошек			Никита Кожемяка
Змей похищает сестру и братьев			Змей похищает царскую дочь.
Чудесное рождение Покатигорошка	In		[Чудесное рождение Никиты Кожемяки]
Покатигорошек садится матерью ужинать	I		Змей улетает на промыслы
Покатигорошек узнает от матери, что змей утащил его сестру и братьев.	II	A	Царевна по совету родителей лаской выпытывает у змея сведения, кто сильнее его - Никита Кожемяка.
Покатигорошек собирается идти на змея, ему выковывают булаву и он отправляется	III		Царь, получив письмо от дочери, отправляется к Никите Кожемяке
Покатигорошек «идет и идет»	IV		Идет просить
Покатигорошек встречает трех пастухов, они проверяют его силу. Он съедает самого большого вола, барана, кабана.	V	B	Царь упрашивает Кожемяку, но безуспешно. Посылает пять тысяч детей, которым удается разжалобить Кожемяку.
Покатигорошек «идет и идет – вот стоит дом змея.	**VI**		**Кожемяка, насмолив триста пудов пеньки, обматывается ею и отправляется к змею.**
Сестра не узнает его: какой ты мне брат? Он отвечает: увидишь, какой я тебе брат!»	VII		Кожемяка приходит к берлоге змея и вызывает его на бой.
Покатигорошек съедает предложенных змеем двенадцать волов, баранов, кабанов, заставляя признать в нем достойного соперника.	VIII	C	Кожемяка бьется со змеем, валит его на землю. Тот просит пощады и предлагает поделить землю поровну.
Змей и Покатигорошек дуют на ток, у одного ток становится чугунным, у второго медным. Покатигорошек вбивает змея в землю и добивает, а потом рубит на части (**сжигает**) и пепел развеивает.	IX		Кожемяка запрягает змея, пропахивает межу по земле и предлагает делить море. На середине моря убивает змея и **топит** в море.

Рис.2.

Как можно видеть, эти сказки очень похожи по форме и распределению мотивов вдоль сюжетной линии, однако при всей эластичности мотивов не каждый мотив можно трансформировать в любой другой по правилу топологической эквивалентности. Сбой значений происходит в пространстве VI субмотифемы *путешествия*. Мотив «пути туда» можно преобразовать в мотив «пути обратно», и наоборот, но нельзя преобразовать в мотив отправки («путь в путешествие»), т.е. поместить в пространство мотифемы *отправки*.

Этот, казалось бы, небольшой сбой значений означает, что сказка «Никита Кожемяка» является богатырской не больше, чем сказка «Змей и цыган».

[2] Там же.

Прежде всего: *протагонистом* этой сказки является царь, а Кожемяка – *антагонистом*, которого он побеждает, убедив с помощью детей идти на змея. Змей, соответственно, становится *агонистом*. Причем, заметим, на пару с похищенной царевной. *Mann und Weib sind ein Leib*! Так что, в конечном счете, агонистом в этой сказке выступает прекрасная пленница. Вот за счет всего этого сказка «Никита Кожемяка» и становится волшебной сказкой в полном смысле, приобретая настоящую трехмотифемную структуру.

Разумеется, сказочник не осознает наличие такой структуры, пользуясь непосредственно мотивами, так же, как носитель языка не осознает парадигматику (соссюровское деление *parole* – *langue*). Он действует по шаблону, а таким шаблоном при построении сказочных «фраз» в данном случае ему служит сказка «Кощей Бессмертный» (Аф.157).

Фактически, мы установили, что срединным элементом сказки «Никита Кожемяка», по которому она классифицируется, является мотив добычи волшебного средства. *Царь добывает Кожемяку*.

Как объект сравнения нас интересует не вся сказка «Кощей Бессмертный», а сказка в сказке, или вводный ход, представляющий собой развернутый мотив возвращения – прерванное, повторное возвращение (см. рис.3).

Кощей Бессмертный			Никита Кожемяка
На обратном пути Кощей похищает у Ивана-царевича добытую им невесту, Ненаглядную Красоту.			Змей похищает царскую дочь.
Иван-царевич отправляется на поиски. Идет ни путем, ни дорогою», приходит (является) в государство Кощея, просится на постой к одной старухе, чтобы хоть посмотреть на свою невесту.	In		[Чудесное рождение (явление) Никиты Кожемяки]
Кощей уезжает на войну.	I		Змей улетает на промыслы
Ненаглядная Красота по просьбе Ивана-царевича за ужином выпытывает у Кощея, где его смерть (три этапа: веник, тын, яйцо)	II	A	Царевна по совету родителей лаской выпытывает у змея сведения, кто сильнее его - Никита Кожемяка.
Иван-царевич, получив сведения о местонахождении яйца со смертью Кощея, отправляется на поиски	III		Царь, получив письмо от дочери, отправляется к Никите Кожемяке
На пути Иван-царевич дает пощаду ястребу, медведю и щуке в обмен на обещание пригодиться в нужное время.	IV		Идет просить
Иван-царевич с помощью благодарных животных добывает яйцо (кокора, утка, яйцо.	V	B	Царь упрашивает Кожемяку, но безуспешно. Посылает пять тысяч детей, которым удается разжалобить Кожемяку.
Иван-царевич идет к Кощею Бессмертному.	VI		Кожемяка, насмолив триста пудов пеньки, обматывается ею и отправляется к змею
Иван-царевич приходит во двор, Ненаглядная Красота встречает его, целует в уста. Кощей ругается, грозит, что ему живому не быть (не зная о яйце под пазухой)	VII		Кожемяка приходит к берлоге змея и вызывает его на бой.
Иван-царевич перекладывает яйцо с руки на руку – Кощея бросает из стороны в сторону. Наконец, Иван-царевич совсем сминает яйцо – Кощей валится и помирает.	VIII	C	Кожемяка бьется со змеем, валит его на землю. Тот просит пощады и предлагает поделить землю поровну. Кожемяка запрягает змея, пропахивает межу по земле и предлагает делить море. На середине моря убивает змея и **топит** в море.
Иван-царевич запрягает лошадей в золотую карету, забирает мешки серебра и золота и вместе с невестой едет к отцу.	IX		Никита Кожемяка идет опять кожи мять

Рис.3.

Таким образом, в сказке «Никита Кожемяка» царь добывает Никиту Кожемяку, а в сказке «Кощей Бессмертный он добывает яйцо со смертью Кощея. «Никита Кожемяка» – не есть богатырская сказка, несмотря на то, что наиболее «ярким моментом», или «пятном», является противоборство со змеем. Обратим внимание на то, что при сравнении этих двух сказок не происходит никаких разрывов (сбоев) в сюжетной линии.

Возникает странный вопрос, что может быть общего между Никитой Кожемякой и яйцом Кощея? Тем не менее сходство между ними прямое. Вспомним, как Кожемяка снаряжается, отправляясь в поход на змея. Он смолит триста пудов пеньки и «весь-таки» обматывается ею, «чтобы змей не съел». Однако при описании борьбы со змеем, сказочник никак не использует образ «скорлупы» из просмоленной пеньки. Либо перед нами очень сильно трансформированный мотив сжатия кощеева яйца – дань сказке, используемой в качестве шаблона, либо остатки неизвестного нам мотива. В первом случае мы имеем тест на сжатие. Допустим змей со всей своей силой сжимает Кожемяку руками или зубами, но не может его этим убить из-за плотного панциря. Во втором случае надо учесть следующее. Сказки данного типа прибегают к мотиву обманного движения («финта»), когда герой выдает себя за силача, показывая некие фокусы с выжиманием воды из куска сыра и т.п. противнику сильному, но глупому. Здесь тоже возникает мотив сжатия, но в ином смысле. Чудесный противник сжимает героя руками или пастью, но якобы прилипает к смоле и не может их разжать, принимая это за силу героя и просит его «отпустить».

Именно с таким мотивом мы встречаемся в «Сказках дядюшки Римуса», одна из которых так и называется: «Смоляное Чучелко». В данном случае не так важно, существует ли какая-то историческая связь между образами смоляного чучелка и панциря из просмоленной пеньки. Важно то, что, будучи элементами совершенно разных сказок, они, можно сказать, с готовностью обреченного, попадают в пространство одной и той же мотифемы.

Однако любое эмпирическое исследование без теории выглядит слабо. При определении понятия *богатырской волшебной сказки* нельзя обойтись без более точного знания, что собой представляет былина (эпос) и что собой представляет сказка. В одной из моих предыдущих работ я указывал на то, что первобытная сказка, с точки зрения морфологии, очень похожа на эпос – те же две мотифемы, первая и вторая, красная и желтая[3].

На уровне больших мотифем отличие между ними возникает только в двух отношениях. Первобытная сказка имеет очень слабое, зачаточное, почти незаметное развитие третьей мотифемы, но не имеет конечной ситуации в виде этиологического мотива, которые не всегда просто отличить друг от друга.

[3] См., например: Морфология богатырской сказки. I. Мотив, мотифема, ход // ***ethnomanuscrips.ru***, с.3.

Зато на уровне девяти субмотифем (средних мотифем) провести такое различие удается уже практически безошибочно.

Первое. Мотифеме *отлучки* (отбытия) старших в сказке эквивалентна мотифема *прибытия* (явления) героя в эпосе. В сказке протагонист – это лицо, которое становится является объектом вредительства. В былине – это стороннее («третье») лицо, которое приходит на помощь в качестве освободителя от лютой напасти.

Второе. Мотифема *нарушения* в сказке тернарна (*подвох, пособничество, вредительство*) а в былине – бинарна (*вызов – принятие вызова*), вроде: «давай выйдем поговорим».

Третье. Мотифема *отправки* в сказках обязательно содержит мотивы *снаряжения* (напутствия). Кстати говоря, приобретение чудесного оружия (огромной булавы, меча и т.п.) или чудесного коня представляет собой элементы сказки, поскольку былинный герой все это уже имеет при себе: ему достаточно взять меч и сесть на коня. Еще одно отличие состоит в том, что сказочного героя либо изгоняют, либо ему приходится спасаться бегством.

Таким образом, первые большие мотифемы сказки и эпоса имеют разную размерность. Не путать с размером текста (мотивов), который может быть какой угодно протяженности относительно текстов других мотифем. В свою очередь, *мотифемная размерность* обусловлена числом основных персонажей. В сказке их три – агонист, протагонист и антагонист, а в эпосе их два – антагонист и протагонист.

При отнесении конкретных нарративов к классу сказок или былин главная трудность состоит в том, что сказки и былины довольно свободно обмениваются мотивами («текстами»), а, между тем, язык фольклора (т.е. язык мотифем) не имеет жесткой связи с мотивами (речью). Одна и та же сказка при сравнении с разными сказками выглядит по-разному. Мотивы сами по себе – это частицы речи, которые могут одновременно находиться в разных местах сказочного и – шире – фольклорного пространства.

В заключение для наглядности сравним типичную первобытную сказку с типичным первобытным эпосом, образцы которых мы находим в австралийских материалах[4]. Так называемый «Миф о старухе Мутьинге» однажды мной уже разбирался[5] путем деления на три мотифемы как полная, т.е. в эволюционном плане законченная сказка[6]. В настоящее время, уже раскрыв секрет трехперсонажной схемы сказки, результаты анализа этой сказки (не мифа!) можно откорректировать. Третья мотифема лишь обозначена прибытием детей и их встречей матерями. Высвобождение детей

---

4 Stanner W.E.H. On Aboriginal Religion // Oceania Monograph, 1989, Vol,36, p. 40-42; Parker K.L. Australian Legendary Tales. Sydney, 1974, p.43-47.

5 Белков П.Л. Этнос и мифология. Элементарные структуры этнографии. СПб., 2009, с.222-223.

6 См. о понятии полной сказки: О происхождении волшебной сказки. Сказки полные и неполные // ***ethnomanuscrips.ru***,

из чрева Мутьинги следует отнести, все-таки, к пространству второй мотифемы. Наделение детей знаками инициации соотносится с мотивом *клеймения* классической волшебной сказки так же, как присвоение черной змеей ядовитой сумки (см. ниже: рис.4).

Старуха Мутьинга	Игуана и черная змея
Старуха Мутьинга спала до самого утра.	Во времена, когда на земле главенствовали животные, ядовитой была игуана, а не змея. Её любимой пищей были люди, которых он убивал во множестве.
Люди, уходя собирать мед, сказали ей, чтобы она присмотрела за детьми. Мутьинга предлагает детям поисках вшей у них в волосах и проглатывает одного за другим (итого девять). Муж с женой возвращаются в лагерь и, не найдя детей, кричат, что старуха их проглотила. Они бросаются в погоню, по пути созывая на помощь других людей.	Племена собираются, чтобы обсудить, как избавиться от Мангун-гали. К водопою приходит Юию-ба-луи, черная змея, и, узнав, в чем дело, вызывается спасти людей. Зная, что ему может помочь только хитрость, поскольку игуана больше, сильнее и быстрее его, он отправляется к месту, где обитает игуана.
Во главе людей оказываются двое мужчин, по прозвищу Левая Рука и Правая Рука. Люди преследуют Мутьингу вдоль реки, вода становится все более и более мутной. Настигнув ее, один бросает в нее копье, а другой ударом палицы сломал ей шею. Люди разрезают старухе живот, оттуда извлекают детей, оказавшихся живыми, моют их, дают обсушиться у костра, раскрашивают охрой и надевают налобные повязки (знак инициации) и ведут в лагерь.	Черная змея прибывает на стоянку игуаны. Он заявляет, что собирается раскрыть ему заговор против него местных племен, но требует, чтобы игуана дал ему подержать во время рассказа свою ядовитую сумку. Черная змея рассказывает, как он обманул игуану: с ним была его хитрость и хитростью он его победил. Затем он уходит, оставив сумку себе.
В лагере детей встречают матери: «Они живы, они живы! Посмотрите, мужчины ведут их сюда. О, наши дети. Что она сделала с вами? Она вас проглотила!»	Вернувшись в лагерь черная змея, отказывается отдать ядовитую сумку и с тех пор он становится ядовитым. Однако игуана, лишившийся ядовитой сумки, был великим знахарем и знал противоядие. Это противоядие является теперь секретом племени (клана) игуан.

Рис.4.

Если попытаться выразить суть сходства и различия двух представленных нарративов совсем кратко, можно сказать так. «Миф» о Мутьинге является сказкой постольку, поскольку протагонистом выступают проглоченные дети, а «легендарная сказка» о Черной змее является эпосом, поскольку протагонистом выступает Черная змея. Двухмотифемная структура в обоих случаях определяется «недоразличением» агониста и антагониста, ибо Мутьинга и Игуана совмещают в себе обе ипостаси, следовательно, оба нарратива подчиняются неполной, двухперсонажной схеме.

14 декабря 2019 г.